

Гастроли
санкт-петербургского
Театра балета Бориса Эйфмана.
Сцена Большого театра

ДУРДОМ и БУРАТИНО

Взг. клуб. - 2000 - 29 янв. - 65.

Афиша включала семь спектаклей, пять из которых уже были ранее показаны в Москве. Идеальная продуманность режиссерских ходов и безукоризненное исполнение — уже расхожее место в рецензиях о труппе Эйфмана. Но время — штука безжалостная, а сцена Большого — подстерегающе опасна. При свете ramпы на этой машине все просчеты спектакля обнажаются и, как сквозь лупу, десятикратно увеличиваются. Балеты Эйфмана, еще совсем недавно казавшиеся революционными, смотрелись сегодня безбожно устаревшими. Не спасала даже излюбленная тематика хореографа — противостояние героя толпе.

Что касается впервые приведенных к нам балетов "Дон Кихот" и "Пияноккио", то это — самые слабые спектакли в обойме эйфмановских опусов. Действие "Дон Кихота" происходит теперь не только на площади, но и в доме, где один из пациентов вообразил себя сервантесовским героем. И потому несколько переделанный классический балет включает сцены в сумасшедшем доме с мячом, обручем, ведрами и, конечно, формановской медсестрой. После "Жизели" Матса Эка все это смотрится пародией и отдаёт пошлятиной. Зрительский же успех падает на паде, похожее на раскрученную назад раскладовку, и на сцены ударные, проверенные временем, которые представлены здесь как плод больного воображения безумца.

Балет "Пияноккио" иллюстрирует несколько эпизодов бессмертной одиссеи Буратино: появление деревянного человечка из бревна, маневры с кор-

дебалетными буквами из культового букваря папы Карло, а также захватывающий триллер с топорами, монстрами и цыганами. В лоскутном калейдоскопе Пияноккио преобразается в принца из "Щелкунчика" путем мистической реакции а ля "Конек-Горбунук", только герой бросается не в кипящее молоко, а, словно Жанна д'Арк, сгорает в полыхающем костре. Не говоря о том, что музыка Оффенбаха с трудом вписывается во все это действо, она настолько свободно обработана Тимуром Коганом, что годна озвучить разве что спектакль гремуче-провинциального ТЮЗа. Самой живой частью представления стал выход в зрительный зал прямо через оркестровую яму кота Базилио и лисы Алисы, разогревших скукающего зрителя младшего возраста. Ну а когда в апофеозе с канканом кордебалета незапланированно упал с колосников задник, обнаживший железный каркас для заоблачных пробежек доброй Феи, тут уже и восторгу дремавших взрослых не было конца.

В начале 80-х, когда продукция Бориса Эйфмана была зажата цензурой, а ленинградские власти пытались ее прикрыть, Москва спасла театр своими рецензиями в центральной прессе, ежегодными гастролями, сумасшедшей любовью зрителя, которая не угасает и по сей день. Ныне снова не родная Маринка, а именно Большой пригласил Эйфмана на постановку балета "Русский Гамлет", повествующего о судьбе Павла I. Премьера не за горами — 25 февраля.

Александр ФИРЕР

*Санкт-Петербург
Театр балета*